

Канат Магир БУКЕЖАНОВ

ХУДОЙ ЖНИК

Мистический детектив

Продолжение, начало в № 7–8, 2026.

Часть вторая

СИНИЙ ЗЕВС

1

Скробкин сидел и пытался представить облик своего драгоценного ринпоче¹ дяди Васи. Он не понимал, почему зрительная память отказывалась удерживать образ человека, настолько важного в его жизни – черты лица расплывались через несколько мгновений. Он с легкостью представлял маму, отца, бабушку, первую классную руководительницу Анну Владимировну, да и вообще кого угодно, но образ учителя неизменно расплывался в памяти. Может, оттого, что не сохранилось его фотографий? А представить его лицо для него было важно, чтобы увидеть учителя в осознанном сне. Скробкин верил, что смог бы получать духовную поддержку ринпоче через сон. Вопросов накопилось много, а учитель умер так давно, что, кажется, прошли века, так ускорила и изменила жизнь с тех пор.

Сегодня он сел, чтобы записать всё, что помнил об учителе, для себя, в дневниковом формате. Ринпоче всячески поощрял его делать записи, и Скробкин помнил толстые тетради учителя, испещренные иероглифами, потому что писал тот на китайском или тибетском языках. Там были личные прозрения ринпоче и какие-то схемы. Усмехаясь, тот говорил, что тетрадки отражают его духовный рост, и показывал пальцами, что прибавка в росте где-то в полтора пальца. На минутку Скробкин замер с занесенной ручкой, обдумывая начало, потом стал быстро писать:

Дядя Вася затаился беломориной и прищурился, глядя на меня. Я молчал. За долгие годы ученичества я приучился молчать и слушать своего учителя. Это было первое правило, которое я постиг, став учеником. Произошло это в те далекие годы, когда еще жила моя бабушка, был цел наш дом, а переулок, в котором он находился, назывался Кукурузным.

Однажды к нам пришла тетя Валя. Зашла за спичками. Так в те времена обычно объясняли свой приход соседки, когда им хотелось просто зайти и развлечься пересказом сплетен и новостей. Жила тетя Валя одна. Дети приезжали к ней редко. Целые дни она проводила у соседей за разговорами. Соседи ее побаивались и поговаривали, что у нее дурной глаз. Она и сама знала об этом и, если ей что-то нравилось у соседей, вместо того чтобы хвалить, она, наоборот, ругала, показывая всем, что старается отвести действие своего злого дара.

К несчастью, в тот день бабушка куда-то вышла, и я оставался дома один. «Что, бабушки дома нет?» – спросила тетя Валя и как-то воровато оглянулась. Потом погладила меня по голове и ушла. Бабушка, придя домой, нашла меня без сознания.

Будучи взрослым, я обдумывал поведение тети Вали в отношении себя. Я понял, что люди, находящиеся под властью информобъектов, совершают

¹ Высший почтительный титул в тибетском буддизме и религии Бон, буквально – драгоценный (с тибетского языка).

иногда почти компульсивные действия, настолько присоединение этих информационных сущностей искажает и ломает сознание, психику и даже метаболизм тела ведомых ими людей. По воспоминаниям бабушки, я вздрагивал и вскрикивал, и у меня поднялся жар. Вызвали скорую помощь. Врач сделала мне укол, понижающий температуру, и сказала:

– Везем в инфекционную больницу! Немедленно!

– Не надо в больницу! – сказал вошедший дядя Вася. – Отродье злого бога заходило в дом и погладило мальчика!

– С ума сошли! – возмутилась врачиха. – У ребенка, возможно, сильная инфекция. Надо сдать анализы!

Отодвинув врача, дядя Вася склонился надо мной и погладил по голове, что-то шепча. Я открыл глаза. Тогда он взял стоящую на столе банку с водой и, что-то пошептав над ней, заставил меня пить.

Скробкин прервался, потому что вдруг ясно увидел перед глазами эту самую банку с водой. Жили они тогда просто и графина не имели. У него была личная двухлитровая банка, куда ему наливали кипяченую воду и закрывали пластмассовой крышечкой. Он вспомнил, как из летнего зноя вбегал в дом и жадно пил прохладную воду из этой банки, а потом с лету плюхался на пружинную кровать с деревянными полированными спинками и лежал, наслаждаясь постоянной прохладой их барака, сохранявшейся даже в самые жаркие дни июля и августа. Он вспомнил, что иногда не снимал сандалий, и бабушка его не ругала, а просто подходила и добродушно обтирала влажной тряпкой их пыльные подошвы. Скробкин зажмурился – воспоминание было таким явственным и приятным.

– Всё, теперь будет жить, – сказал дядя Вася.

Но в инфекционную меня все-таки забрали. Продержали там неделю. Брали анализы, делали клизмы. Всё совершенно напрасно, потому что я был уже здоров.

Как-то вечером, примерно через месяц после тех событий, дядя Вася зашел к нам. Бабушка встретила его приветливо и стала хлопотать, накрывая на стол.

– Ничего не надо, Тоня, – сказал он. – Я пришел поговорить о твоём внуке. Сядь и слушай. – Дядя Вася был из тех людей, чьи слова обладали силой: стоило ему заговорить, как все затихало и слушали... Бабушка присела на край дивана и тревожно посмотрела на него.

Скробкин уже довольно давно писал рассказы и эссе. Писателем он себя не считал и размещал тексты на различных дилетантских электронных платформах. Всё изменилось с той поры, когда республиканский журнал «Простор» напечатал его первую повесть. Теперь он чувствовал себя полноправным литератором и даже в дневниковых записях пытался выдерживать литературный слог и разрешал себе художественный домysel. Например, он не помнил, какими глазами смотрела на дядю Васю бабушка в тот знаменательный для него день, но написал: «...тревожно посмотрела на него».

В последнее время было трудно сконцентрироваться. Скробкин чувствовал себя рассеянным, забывчивым и апатичным. Хотелось просто лежать на диване и ждать, когда пройдет очередной приступ тоски. У его депрессии была причина. Причину звали Галя. Вернее, тоску вызывало ее отсутствие. Потому что Галя собралась и ушла. Когда-то он восхищался той решительностью, с которой она исключала из своей жизни все неприятные факторы. Она просто переставала это знать. «Я знаю, что это существует, но я не хочу это знать!» – вот характерная для нее позиция. «Она впала в простоту, как в ересь!» – восхищался он, не зная, что когда-нибудь эта железная сила характера исключит и его из сферы своего знания. Она не просто ушла, она не хотела его знать. И виноваты были его теории, особенно о Боге. Если бы он держал всё при себе, молчал в ее присутствии,

не пытался читать и объяснять свои тексты, то, наверное, всё было бы в порядке. Но он не способен так жить! Ему всегда надо говорить и выговариваться. Он даже общественные лекции читал вне работы, просто чтобы удовлетворять потребность в словесном оформлении мысли. Иногда во время лекции он говорил то, что не планировал, чистую импровизацию, и открывал что-то новое для себя. Галя же не хотела знать ничего нового. Эта ее застылость, ригидность, если говорить медицинскими терминами, его раздражала. И однажды, вернувшись, он открыл дверь в пустую квартиру. Теперь было необходимо как-то преодолевать эту пустоту. Железным усилием. Скробкин всегда приучал себя к готовности всё преодолевать. Аллертность – по-научному. Надо уметь подчинить себя стальной воле. Поэтому преодоление – самое важное слово в его лексиконе. Оно часть его внутренней мантры. Иногда Скробкин намеренно создавал трудности для того, чтобы их преодолевать.

Так было с ежедневным вечерним пивом. Вообще-то, Скробкин не переносит спиртное. Дело, наверное, в генетике. В его роду пьющих не водилось. По свидетельству бабушки, он происходил из крепкого племени эрзянских мурз. Поэтому перед ним стояла интересная задача – приучить себя пить, а потом бросить. Пиво выбрал по степени наименьшей противности.

А началось всё с Гали. Когда она его бросила, Скробкин услышал шепоток за спиной: «Наверное, сопьется...» Дело происходило на работе. Почему, собственно, сопьется? Мысли такой не было! Но теперь возникла. Скробкин очень настойчиво начал приучать себя выпивать. Сначала пил по одной, потом по две бутылки пива. Бывалый человек усмехнется: «Разве с такого опьянеешь?» Но организм Скробкина был под стать организму индейца, впервые столкнувшегося с «огненной водой». Когда дело дошло до трех бутылок, стало ясно – привык. Появились первые симптомы алкоголизма. Целый день с удовольствием думал, что вечером ждет пиво. Замечательное. Холодное. Горькое. Сладкие сорта не любил. И еще одно. Всё, что мешало вечерней дозе пива – внезапные неотложные дела, приглашения в гости, вызовы к больным – раздражало. В какой-то момент Скробкин посмотрел на себя в зеркало и понял – пора преодолевать эту зависимость. И тогда он пропел: «Преодоление!» И перестал пить. Совсем.

2

Райхан открыла глаза. Ее подушка пропиталась потом, не хватало воздуха и хотелось пить. Снились какие-то кошмары. Ничего определенного. Вернее даже не кошмары, а обрывки, мелькающие тени кошмаров. Как в детстве, когда поднимается жар и тебя в полубреду начинает бросать из одного сна в другой. Но в детстве есть мама, которая утрет выступивший пот на лбу. Даст попить. Сменит ночную рубашку. И еще был свет ночника. Она помнила этот маленький ночник, который выглядел точно так, как сейчас рисуют летающие тарелки. Словно черная тарелка, накрытая белой. А сверху цветочек из прозрачного пластика, с лампочкой в сердцевине. Два лепестка обломаны у корня. Это Райхан сломала. Так ей когда-то понравился цветочек.

Очень захотелось включить свет, но Райхан подавила это желание. Подавляла всегда, с тех пор как перестала спать при свете ночника. Стыдно взрослой девушке спать при свете. Стыдно бояться темноты. Но когда жених Куат отверг ее, у нее снова начались ночные страхи и боязнь темноты. Она как бы снова соскользнула в детство. А в детстве были не только утренние блики на стене соседнего выкрашенного в оранжевый цвет дома, но и ночная тьма, которая пыталась проглотить тебя, но как будто раздумывала, а ты лежишь в ее пасти, среди невидимых острых зубов и мокнешь в ее вязкой слюне. Но потом приходило утро. Оно брезжило серым светом и несло освобождение, и становилось понятно, что нет никакой пасти, клыков и вязкой слюны. Просто твоя ночная

рубашка вымокла от пота. И тогда сон наконец смыкал твои глаза, и ты спала до той минуты, пока тепло оранжевой стены соседнего дома не становилось таким ощутимым, как тепло мамы, спящей рядом. Это важно, потому что мама в какой-то момент перестала спать с ней рядом. Ведь большие девочки должны привыкать спать одни! И тогда с ней оставалось только тепло, исходящее от солнечной стены соседнего дома. Но еще до этого яркого пробуждения с чувством приветливого тепла, еще до серого слабого света раннего утра, еще раньше, еще до света, еще в пасти тьмы, она вдруг слышала звонок первого трамвая, который выехал по маршруту, и тьма отступала мгновенно. Трамвай и оранжевая стена – это первые друзья ребенка, которого терзает ночной страх!

А всё началось с того, что противная бабушка, мамина мама, переселившись из города в их дом, чтобы приглядывать за Райхан, пока мама на работе, настояла, чтобы она спала одна в комнате, на своей кровати.

– Ребенку нужен воздух и свое пространство, – сказала она. Никто ей не возражал, ведь бабушка до пенсии была заведующей поликлиники. А папы у Райхан не было. Про маму соседи между собой жалостливо говорили, что она мать-одиночка. Что же теперь будут говорить про нее, когда родится ее сыночек? Она еще не ходила определять пол ребенка, но чувствовала, что родится сын.

Сегодня было особенно страшно. Появилась какая-то странная тревога. Она зависла в воздухе и копилась в углах. В пустом доме было слишком тихо. Квартирная хозяйка поехала в центр, навестить сына и сноху. Обычно ее храп наполнял комнаты живой вибрацией. Большинству людей ненавистен чужой храп, но Райхан очень хотела бы сейчас его слышать. Прямо сейчас. Чтобы не было так тревожно.

Сбросив мокрую ночнушку, вышла в соседнюю комнату, попить. Протянула руку к графину, стоящему на столе, и почувствовала за шкафом, огораживающим пространство комнаты от двери в прихожую, какое-то присутствие. «Боже!» Именно это присутствие мучало ее в самых дурных снах. Когда идешь заглянуть в угол, в котором физически чувствуется – ПРИСУТСТВИЕ!!! В темном углу! Она всегда просыпалась с криком, так и не заглянув в глаза своему страху.

А сейчас, зажав рот, чтобы не закричать, через силу двинулась к шкафу. К темному углу. К ПРИСУТСТВИЮ! Нет. Не из любопытства. К черту такое любопытство! Разумнее было зажечь спасительный свет и облегченно вздохнуть. Но она действовала так, как будто кто-то взял власть над ее телом и теперь вел ее против воли. Как во сне! Подойдя к шкафу, Райхан не смогла сдержать крик. Она начала кричать до того, как заглянула в самый угол, потому что вдруг поняла, что без крика вынести ожидание того, что она сейчас увидит, невозможно. Она кричала, а ноги сами вели ее к темному углу.

3

Галя снова жила на квартире своей троюродной сестры Лены. Теперь она не была «Худым Жником», как ее обзывал Скробкин. Теперь она была вполне себе самостоятельным человеком, заместителем редактора в журнале «Омир», который открыла некая бизнесвумен, обладавшая стремлением «делать культуру». К тому времени Галя была уже автором двух поэтических сборников, изданных при прямом участии Скробкина, подчинившись его горячему натиску. Сама она никогда не стремилась к публичности, но это оказался действительно полезный опыт. Выход первой книжки всегда волнителен, и автору кажется, что это событие – нечто громкое, если не громогласное. Автор даже заранее зажимает уши, ожидая в некоем страхе: «Ой, что теперь будет?» А ничего не происходит! Никакого грома с небес! Никаких знамений! Никто тебя даже не читает из тех, кому старательно и красиво ты подписала и подарила эти книжки. Кроме мужа. Он, конечно, старался создать праздник! И презентация в книжном магазине,

и публикация в газете, и обзор литературного критика в республиканском журнале, и вечер в ресторане, когда он с такой любовью и по-щеничьи преданно и умильно смотрел в глаза! У Гали наворачивались слёзы каждый раз, когда она вспоминала тот вечер.

В общем, сборники принесли лишь одну пользу – ее заметили и пригласили на собеседование в журнал. Но это была пустая формальность, просто для порядка. Ее красный диплом факультета кинознания в Киевском университете тоже приглянулся и пригодился. И всё бы шло хорошо. Но не могла она переступить через свои убеждения, не могла смириться с тем, что Скробкин был как фонтанирующий идеями вулкан. И когда он подступался к ней что-нибудь объяснить или поделиться мыслью, ей приходилось терпеть, терпеть сцепив зубы, как терпят ноющую боль в воспаленном кариесом зубе или как терпят зуд. Да, зуд! Как-то мама заболела очень сильно, и Галя, сидя однажды ночью на кровати без сна, вдруг очень ясно осознала, что может на самом деле остаться в этой действительности одна-одинешенька. И тогда пришел зуд. Чесалось всё и везде. Но потом наметились определенные участки, где зуд угнездился и сжился с телом. Вернее, не сжился, а воевал! Кожа на этих участках была сухая и с трещинами, особенно на пальцах рук. Трещинки углублялись и зияли, как микропропасти в бездну, где на дне открывалась ее плоть.

Болезнь называлась нейродермит. Врач, кроме уколов и системы, прописал мазь и особый безводный режим для тела. Руки густо смазывались остро пахнущей мазью и облекались в белые хлопковые перчатки, которые вскоре, пропитавшись мазью, пожелтели, а потом и вовсе стали бурыми. Мама уже выздоровела, а Галя ходила в перчатках еще месяц, пока не прошел зуд. И живя со Скробкиным, она всерьез стала опасаться возвращения прежнего зуда, настолько противоречило ее взглядам то, что он говорил. Поэтому после одного разговора, когда он стал убеждать ее, что миром правит вовсе не бог, а дьявол, и мы живем на самом деле в аду, пока он был в университете, она потихоньку собралась и съехала, оставив записку: «Так будет лучше!»

4

Галя съехала, потому что у нее началась кессонная болезнь. Это болезнь ныряльщиков. Когда они слишком быстро выныривают с большой глубины, у них вскипает кровь. Нельзя всплывать быстро! И виноват в этой ситуации именно он. Ведь он и сам не сразу стал человеком определенной свободы взглядов. Были вопросы, подступаться к которым он избегал длительное время, потому что боялся этого внезапного сияния правды, как света в лицо, когда ты только вышел из абсолютной тьмы. И он боялся вскипания крови! Как смел он тащить ее на поверхность насильно! Оправдывался лишь тем, что не специально, а в беспамятстве и в запальчивости того возбужденного состояния, когда убеждаешь не того, кто рядом, а самого себя! А потом оказывается, что рядом есть безвинно пострадавшие! Нет, безусловно, Галя была права, что – «так лучше!» Но и хуже одновременно!

Всё началось с разговора об его друге Тимке! Тимка, светлый душой мальчишка из его детства, оказался во взрослой жизни преступником! И разговор зашел о причине! Он пытался объяснить Гале свое видение произошедшего, был в великом возбуждении, как и всегда, когда объяснял что-то, что затрагивает его лично, и, кажется, даже говорил на повышенных тонах.

– Понимаешь, Галя, ведь мы живем в мире, в котором управление отдано дьяволу. Об этом сказано и в книге Иова. Именно дьявол приходит к Богу с отчетом о подвластной ему территории, а потом в синоптических евангелиях говорит Иисусу: «Всё отдано мне!» Именно об этом хотел когда-то сказать Михаил Булгаков, когда произнес последние слова о своем романе – «Чтобы знали!» Что-

бы знали, Галя, что Иисус в его романе посылает Левия Матфея просить за Мастера! Просить! Не приказывает, а просит! Потому что так распределена власть на земле. И сам он, сказано, спустился на землю, как в преисподние места. И это не под землю, Галя, а именно на землю. А преисподние места земли, где наиболее торжествует зло, – это Ершалаим, место его казни, место, где земной престол Бога, и зло поэтому там чернее, потому что от лица божьего совершается. А как мы традиционно называем место, в котором правит дьявол? Мы называем его адом, Галя! И кто же обитает в аду? Мертвецы обитают, поэтому Иисус говорит апостолу своему Петру, который просит дать ему время похоронить отца: «Пусть мертвые погребут своих мертвецов!»

«Пусть знают!» – говорит Булгаков, потому что понимает, что обитал в месте, где угасли все его надежды, не исполнились планы на жизнь, на счастье. «Пусть знают», потому что такой конец писателя – это закономерный конец для этого места. Потому что мы живем в аду, а прорывы света, добра, любви – это прорывы в наш мир иной жизни. Послания, что такая форма жизни тоже есть и возможна, но не в аду! И мы должны копить эти послания, как собирают милостыню – медяк к медяку, серебро к серебру, а вдруг золотой мелькнет! И это – единственное богатство и цель нашей жизни. Остальное – ерунда: почести, звания, слава! Только любовь наше богатство. И это понимают Мастер и Маргарита! А зло? Зло надо отпускать и забывать. Забвение – единственное, чего боится зло. Потому оно так навязчиво в нашей жизни – в новостях, в телевизоре, в сплетнях! Поэтому я Тимку отпустил. Забыл? Нет! Я забыл только его зло! Ах, почему он совершал то, что совершал? Просто был слаб, верил в то, что всё, что нас окружает, – единственная правда. А это неправда, Галя! Это ложь! Все люди живут во лжи мифа, сотворенного самим человечеством!

И всё, что я тут наговорил об аде, Галя, придумали люди. Так они почему-то захотели. Сами создали ад. Написали и миллионы раз повторили с верой в это написанное, и оно ожило! Обрело плоть и силу законную! И поэтому ни одно положительное событие в таком мире долговременным не бывает. А это касается и человека тоже! Потому как человек – тоже событие! Событие – это информация, а человек всего лишь набор информации. Насколько долго в нем живет положительность? Всё время идет смена – от положительного к отрицательному и наоборот. А если, например, держится человек, остается положительным несмотря ни на что, то сколько живет такой положительный человек, в котором добро преобладает? Все мы когда-то повторяли: «Почему хорошие люди живут мало, а злодеи очень долго?» Не потому ли, что мы коллективно создали все условия для этого? И я тоже, Галя! Это я отпустил злодея! Потому что не поверил в то, что он насовсем злодей, на всю жизнь. Отпустил, а сам теперь сомневаюсь. Вдруг уже всё! Вдруг трансформация личности произошла окончательная, и он теперь что-то совсем нечеловеческое! Понимаешь?

Есть же, наверное, где-то такие места, где об этом аде, в котором мы живем, не знают и живут по-другому, счастливо, и в ус не дуют! Но мы этого не хотим! Мы идем в те места, миссионерствуем и навязываем им свой ад!

Тут Галя повернулась и вышла. У нее началась эта самая кессонная болезнь.

5

А что он мог еще сказать? Высказал всё, что накопилось и чем душа измучилась. Три года назад его друг детства устроил охоту на бесчинствующих хулиганов, а он не смог придумать ничего лучшего, как предупредить того о полицейской операции по его захвату. От этого пострадала дружба с другим хорошим и светлым человеком – майором Ултаракон Сагатовичем, дядей их с Тимкой общего друга Чингизика, который в детстве утонул, купаясь в речке, когда ездил в поселок погостить у бабушки. Ултарак Сагатович, узнав, что он

отпустил преступника и что преступником был Тимка, ни словом его не попрекнул, а просто ушел из полиции. И теперь молчал и не выходил на связь. И наверняка испытывал муки совести. А Тимка? Как он выживал в горах, в своем личном аде под названием «Тимкина жизнь»? Не потянулась ли за ним новая цепочка убийств, ведь людей, которые, на взгляд Тимки, достойны смерти, наверняка было еще много.

Придя с работы и поужинав, Скробкин сел за компьютер, решив печатать воспоминания о своем учителе.

Щуплый китаец дядя Вася имел славу травника и целителя, незаконно лечил иглоукалыванием и прижиганиями, и все знали, что он бывший сиделец. У него была лавка на Никольском базаре, где он продавал краски, резинки, игрушки и тысячу всяких полезных мелочей. Рядом находился универмаг «Тысяча мелочей», и люди, не найдя там искомого, шли к дяде Васе, а потом говорили: «Вот настоящие “Тысяча мелочей”!» У дяди Васи всё необходимое надо было спрашивать, потом он нырял под прилавки или уходил вглубь лавки и приносил нужную вещь.

Поначалу дядя Вася у бабушки авторитетом не пользовался. Однажды ночью у нас из запертой газовой будки увели два баллона. Обнаружив утром пропажу и памятуя, что дядя Вася сидел в лагерях, бабушка взяла в правую руку лом, а левой держа меня, подошла к его двери, Васи, пнула ее и крикнула: «Отворяй!» Когда дядя Вася, прищурив спросонок и без того узкие глаза, в майке и трусах высунулся в проем, бабушка коротко сказала: «Чтобы газ был на месте!» Что, конечно, выглядело несправедливо! В сталинских лагерях пребывали не только жулики и воры, но и профессора, врачи, ученые и артисты. Видимо, у дяди Васи сохранились старые каналы связи с уголовным миром, потому что ночью газовые баллоны вернули на место. Не старые и потертые, какие были раньше, а новенькие, со склада. Потом уже, после моего чудесного исцеления, бабушка смотрела на него по-другому, как на святого...

– Твой внук, – сказал дядя Вася, – особенный. Он обладает силой и даром целителя. Поэтому зло будет всегда пытаться подчинить его себе или убрать с пути.

– Что же делать? – спросила бабушка.

– Я буду учить его, понемногу. Буду оберегать, пока он не войдет в силу. А ты не запрещай ему ходить ко мне. Сама видела, что было. Соседка не хотела ему вредить, а злой бог хотел.

– Твой злой бог по-нашему дьявол, – сказала бабушка.

– Может быть, – уклончиво ответил дядя Вася. – У него, наверное, много имен, и лиц тоже.

Так я стал учеником дяди Васи. Жил он в том же бараке, что и мы – длинной саманно-камышитовой одноэтажной постройке в форме буквы «П». Ее разделили на жилые квартиры с отдельным входом и крыльцом для каждой семьи. Водопровод отсутствовал, но во дворе стояла общая колонка. Поодаль располагался кирпичный общественный туалет, от которого кроме пользы мы видели вред в виде дурного запаха и тучи мух. Вдоль барака шел Кукурузный переулок, который пересекался с Лесной улицей. Вдоль улицы весной, летом и осенью шумел арык, и люди летом делали в нем запруды, где охлаждались арбузы и пиво.

Мое ученичество проходило в основном у этого арыка, в тени раскидистого карагача. Дядя Вася пил пиво, дымил папиросой и обучал меня всяким навыкам. От меня требовалось молчать и слушать. Вначале он учил меня отключаться. Теперь я знаю, что это медитация. Но тогда дядя Вася просто включил и выключил лампу для наглядности и сказал:

– Учись отключаться.

Это было трудно. Как можно ни о чем не думать? Когда задаешься такой целью, голова сама начинает думать что ни попадя, перед глазами мельтешат разные картинки, как в ускоренном кино. Когда же я научился отключаться по собственному желанию, дядя Вася стал меня учить слушать других. Но не то, что говорит человек, а то, что происходит в его голове. Вы скажете – телепатия. Дядя Вася называл это подключением. Надо было подойти к человеку, желательного одиноко стоящему, чтобы избежать ненужного эфирного шума, а потом отключиться. Чем ближе стоишь к человеку, тем яснее слышишь, потому что когда ты отключаешься, то автоматически подключаешься к другому. Главное – помнить, что все мысли, возникающие в твоей голове в этот момент, все картинки воображения – не твои, а того, с кем рядом ты стоишь.

Я умел отключаться и подключаться в любом месте. Я даже научился отсекал эфирный шум и сосредотачиваться только на нужной волне. Так я испугал математичку Веру Васильевну, когда на ее слова: «Ты что витаешь в облаках?» – дерзко ответил: «Вы тоже витаете! Вы думаете, позвонит Саша или не позвонит. А если позвонит, то идти с ним в кафе или нет?» За этот проступок дядя Вася долго на меня сердился. Он говорил: «Ты должен быть как воздух. Все им дышат, но никто не замечает!»

Пришло время, когда дядя Вася сказал: «Скоро будешь подключаться не для того, чтобы слушать, а чтобы передавать». Это оказался самый трудный этап обучения. Чтобы слушать, ты должен подключаться, а чтобы передавать, недостаточно подключиться, надо глушить чужие мысли, чтобы внедрить свои. Вот чему учил дядя Вася. «Зачем?» – спрашивал я. «Когда вырастешь, будешь помогать людям, – отвечал он достаточно туманно. – Ты должен будешь сам понять. А пока, развлекайся!»

И я развлекался по полной программе. Например, Володе Казанскому я внушил страх. Было смешно наблюдать, как здоровяк и хулиган Володя дрожит от страха перед дрыщом одноклассником. Что Володя?! Я внушил соседскому цепному волкодаву такой ужас, что он забился в конуру и тоскливо скулил. Просто подключился к нему и давил. Я не знаю, как это объяснить, но было ощущение, что продавливаю что-то вязкое и тяжелое. Чем сильнее я давил, тем больше собака пятилась назад, а потом юркнула в конуру и заскулила. Дядя Вася опять был мной недоволен. Сказал, что собаки человеку как дети и с ними так нельзя. Если бы это был волк, тогда другое дело. «И самое главное, – говорил дядя Вася, – ты внушаешь не просто страх, а свой страх. Ты передаешь тот страх, который есть в тебе. Если станешь бесстрашным, то враги станут бояться тебя своим страхом, а не внушенным тобой. Но молодецом будешь, когда сможешь внушать любовь!»

Позже, уже взрослым, я узнал про святого Франциска, который внушил любовь голодному волку, и понял, чему меня хотел научить дядя Вася. И мне до сих пор стыдно за тот случай с собакой.

Скробкин откинулся на спинку стула и задумался. Конечно, прав был дядя Вася. Внушать страх нетрудно, потому что и сам боишься, но чтобы внушить любовь, приходится потеть, а в итоге оказывается, что сам втрескался по уши. Лишь с Галей был обратный эффект. Она внушила ему любовь, а теперь не хотела с ним знаться. Или он ошибается? Может, она его все-таки любит, но не любит его мысли? Разве такое возможно? «Возможно», – подумалось Скробкину. Она его любит на своем уровне понимания. И не любит в нем того, что не понимает и не принимает. А сама цитирует слова апостола Павла: «Любовь всё покрывает, все переносит...» «Покрывает» не означает ли, что принимает тоже?! Но, наверное, нельзя делать выводы, обосновывая их цитатами, даже если это цитаты апостольской речи. Нельзя любовь уложить в определенную схему, а

цитаты – это ведь схема! Мы портим свою жизнь, пытаюсь уложить ее в мертвую схему правил, законов, традиций, порядков, а жизнь выше всего этого! И любовь – это высшее проявление жизни! Она тоже выше, чем схема!

На все мои просьбы показать приемы боя или боевые, смертельные точки дядя Вася неизменно отвечал отказом. Но о том, что он посвящен в эту тему, свидетельствовали знаки на его запястьях – татуированный прыгающий тигр и оскаленный дракон. Где получил эти высшие регалии мастера кунг-фу, он не рассказывал. Он вообще не говорил о себе. Особенно о татуировках. Молчал о татуировках Ленина и Сталина на груди, наколотых синей тушью, в отличие от цветных тигра и дракона на запястьях. Молчать было свойственно людям его поколения. Они были испещрены шрамами и покрыты морщинами, были седыми, хотя еще не были старыми. Они казались своего рода титанами того времени – теми, кто смог в коротенькую плоскость бытия втиснуть многомерность своей судьбы... А что было в той судьбе? Войны, революции, диктатуры, голод, смерть, концентрационные лагеря и постоянная, напряженная, неослабевающая воля к жизни. Вот кем были простые люди того времени. И дядя Вася один из них, бежавший от тюрем режима Мао и попавший в лагеря Отца народов.

Помер дядя Вася неожиданно и непонятно для всех. Его нашли в гараже, превращенном им в склад разного барахла. Когда наш барак снесли, мы получили новые квартиры в микрорайонах. К тому времени ларек дяди Васи на Никольском закрыли, и он торговал на базаре в районе мясокомбината. Под то барахло, которым промышлял, он приспособил гараж в кооперативе «Орел». У него даже имелся автомобиль «Запорожец», в народе именуемый «горбатый». Именно там, в ремонтной яме гаража, его нашли сидящим в странной позе, как будто он сильно замерз: голова опущена между колен, а руки обнимали колени железной хваткой. Никто не смог его разогнуть.

«Надо же, мумифицировался человек до железной твердости, а не воняет!» – удивился районный участковый, осматривавший тело. Рассказывали, что судмедэксперт не смог анатомизировать дядю Васю – скальпель не брал. Так и похоронили его на Бурундайском кладбище в этой странной позе, зашив в простыню. Деньги на похороны собрали бывшие соседи и пациенты дяди Васи. Меня в то время в городе не было, летал в командировку. Приехав, побывал на его могиле. Погоревал. А потом ушел в свою жизнь. Сколько не искал позже его могилу, так и не нашел. Казалось, дядя Вася исполнил главную заповедь своего учения – быть незаметным как воздух. Только потом, прочитав много умных книжек, я понял, что неестественная твердость дяди Васи называется самадхи. В глубине души теплилась надежда, что незабвенный мой ринпоче дядя Вася продолжает сидеть в могиле в состоянии искусственного анабиоза, дожидаясь непонятного и неизвестного часа пробуждения, намеченного им самим, а над могилой на тоненькой духовной ниточке летает его мудрая и многострадальная душа.

Закончив печатать и отметив для себя, что концовка вышла неплохо, Скробкин подумал: «Вот что значит литература – ради красного словца не пожалеешь и отца». Какое там могло быть пробуждение? Из самадхи надо выходить, постепенно набираясь сил, в уединенной пещере, находясь в секретном от посторонних месте, а не в глубокой могиле, засыпанной землей. И это в лучшем случае. Ведь непосещаемые могилы теперь раскапывают, а место продают другим. Город живых растет, и вместе с ним растет и город мертвых. Места на всех не хватает. Он теперь с сожалением думал о том, что за суетой молодости и банальным выживанием не смог сберечь могилу своего учителя. Ведь значение и роль этого человека в формировании его личности он осознал намного позже. Так происходит всегда. Мы понимаем значение матерей, отцов, учителей

в своей жизни очень поздно. Даже после потери их не всегда сразу осознаем, кого потеряли. А теряем, по сути, духовные стены, которые исчезают, и наша жизнь вдруг становится шаткой и валкой. И тогда начинаем искать какого-то контакта с ними, ушедшими навсегда, едем на могилки, смотрим фотографии, но и могилки и фотографии неизменно молчат.

6

Я возвратился домой после службы в армии. Служил нормально, без особых эксцессов. Да и что могло случиться с тобой, если служишь в санчасти? Обычная служба – унылая и скучная, в местечке, где ничего не происходит, кроме жары летом и стужи зимой. Солдаты развлекались, стреляя сусликов, поэтому неучтенные патроны служили в обменных процессах чем-то вроде местной твердой валюты. Сусликов было неизменно жалко, и я очень брезгливо относился к такому развлечению. За полтора года накопился духовный голод, который удовлетворялся чтением всякой суррогатной литературы, которую удавалось выменивать на спирт. Потому что спирт в армейской котировке валюта более твердая, чем патроны и сигареты. Особенно увлекала меня любая литература, касающаяся тем таинственного горного Тибета, монахов, способных творить чудеса, и скрытой от всех сиятельной Шамбалы, страны совершенства духа и тела.

– Шамбала – это человек, – сказал мне дядя Вася, когда мы вновь встретились с ним после долгой разлуки, – это человек и Бог. – Он затянулся беломориной и прищурился, глядя на меня. Я молчал. Ждал продолжения. Мой старенький учитель сильно сдал, усох пуще прежнего. Пива уже не пил, только, как прежде, курил папиросы и пил чифир. – Если повезешь меня в урочище Шамбалы, я его тебе покажу.

– Я не знаю, о каком месте вы говорите.

– Это недалеко. Примерно два часа езды на машине. Его неправильно называют урочищем Тамгалы.

Выспросив дополнительно дорогу до Тамгалы-Тас, я повез учителя в свой выходной день на новеньком автомобиле «Жигули», который приобрел на заработки массажиста. В то время я сделал себе имя исключительного массажиста, и народ ко мне шел.

Переехав на другой берег Или, мы оставили машину и пошли пешком. Дядя Вася показал мне кусок скалы с петроглифом солнцеголового человека.

– Вот, это Шамбала. Его изображений здесь много. Но этот – мой обо. Пока не задавай вопросы, я сделаю кору и совершу обоотахилга².

– А мне что делать? – спросил я.

– Можешь погулять вокруг, можешь посмотреть, но только молчи. Это не твоя вера. – Он задумчиво поглядел на меня. – У тебя вообще пока нет веры. Когда обретишь, хорошо блюди обряды. А пока отдыхай.

Дядя Вася начал совершать обход скалы против часовой стрелки, бормоча мантры и делая простирания после каждого обхода. На сороковом простирании я задремал и проснулся, когда солнце уже клонилось к закату. Дядя Вася, совершив последнее простираение, принес жертвоприношение Шамбале, возливая жигулевское пиво из трех бутылок кряду. После этого сел рядом со мной:

– Можешь задавать вопросы.

– Кто такой Шамбала? – спросил я.

– Шамбала появился здесь, – дядя Вася закурил. – Здесь было поселение, откуда он посетил белый свет. Он долго скитался по миру и жил в Индостане и других странах, пока не получил просветление от великого учителя Те.

² Обряд умилостивления духов – хозяев этого места.

– Кто такой, этот учитель Те?

– В народе, на чьей земле ты живешь, его называют Танир или Тенгри, – дядя Вася с акцентом произнес знакомое мне имя бога. – Он был великим царем своего народа, ханом, как говорят здесь, и в его честь названа вершина Хан Тенгри. А место, из которого он вышел, называлось Те нгри Ла.

– Но Тенгри, это ведь бог неба древней религии тенгрианства?

– Да. Он великий бог. Но богом неба он стал позже. Вначале он был принцем, который хотел принести своему народу счастье и процветание. Услышав его желание в молитве, великий Ку – бог, живущий в глазах солнца, обратил на него свое милостивое внимание и научил его искусству счастливой жизни.

– А кто такой Ку? – безнадежно спросил я, чувствуя, что начинаю путаться в череде богов и великих учителей.

– Ты должен бы знать это имя, – усмехнулся дядя Вася, – Народ, среди которого ты живешь, зовет его именем Ку дай, а место, в котором его обитель, называется Кун.

– Кудай – это бог по-тюркски.

– А я разве отрицаю? Но на самом деле его зовут Ку, а Ку до означает – путь бога Ку. А Кун – это по-ихнему нора, где живет Ку, что на самом деле неверно, ибо полное название его сияющей обители – Ку нгри Ла.

– Получается, что великий Ку из Ку нгри Ла просветил великого Те, который в свою очередь научил правильной жизни свой народ, живущий в местности, называемой Те нгри Ла?

– Вот видишь, ты во всем разобрался сам! – хитро улыбнулся дядя Вася.

– А как же тогда Шамбала?

– Шамбала, ученик великого бога Те, вернувшись на родину, в это самое урочище, научил наконец свой народ искусству процветания, и люди назвали это место Шам нгри Ла.

– Может, Шангрила?

– То другое место. Это же называется Шам нгри Ла.

– Почему Шам?

– Шам – это танец. Шамбала обучал народ через священный танец. Он всегда танцует. Это танец великой силы!

– Как у Шивы?

– Нет, нет, он не Шива! Шива – это Исана, или еще думают, что он форма проявления Рудры, а Рудра – это один из четырех владык Таватимы.

– Учитель, так я совсем запутаюсь! А какую силу несет в себе Шамбала?

– У него вся сила! Бала означает сила! Хотя многие считают, что у него всего пять сил и пять проявлений, то есть – Панча бала. А Панча бала включает в себя Саддха бала – это вера, Вирия бала – это энергия, Сати бала – это внимательность, Соматхибала – это всё, это единство и слияние с истиной, и Панья бала – это мудрость.

Дядю Васю как прорвало. Имена богов, их лиц, сил и проявлений сыпались дождем.

– Но Панча бала – это ошибка!

– Что ошибка, учитель?

– То, что у него только пять сил. У него вся сила!

– Например?

– Например, всё богатство!

– Значит, Дзамбала, бог богатства – это Шамбала?

– Дзамбала – это одно из проявлений Шамбалы. Но у Дзамбалы, если хочешь знать, тоже пять проявлений. Это белый Дзамбала, желтый Дзамбала, красный Дзамбала, черный Дзамбала и зеленый, или еще считают, что

он золотой Дзамбала. Но они часто пренебрегают синим Дзамбалой. А он защитник бона!

– На этом всё, учитель?

– Нет, есть еще бала Трипурасундари. Ее называют просто бала, то есть ребенок. Она богиня запредельного времени.

– Значит бала – это не только сила, но и ребенок, как у казахов?

– Да, бала – это юность или ребенок. Но эта богиня – скорее всего не форма Шамбалы. Пока что мне неизвестно, чья она форма.

– Значит, Шамбала переводится как танцующая сила или танцующий ребенок. Но почему ребенок, учитель? Он ведь был взрослым?

– Потому что пока он танцует, он всегда ребенок!

– Дзамбала ведь японский бог?

– В разных странах, у него разные имена. В Индостане его зовут Вайшравана, монголы зовут его Намсарай. У него много имен.

– Мамона не его имя?

– Такого не слышал, но может быть.

– А вам, учитель, какое богатство дал этот бог?

– Ты думаешь, разоблачил меня своим вопросом? – дядя Вася прищурился. – Он дал мне то богатство, которое я пожелал взять.

Я смущенно замолчал.

– Что, уже нет вопросов? Почему не спрашиваешь, кто был учеником Шамбалы из Шам нгри Ла?

– Вы, учитель?

– Ох, ты умрешь дураком! – дядя Вася закатился в смех и замахал руками. Отсмеявшись, тронул меня рукой и сказал: – Не обижайся! Ум – дело наживания.

– Наживное, учитель, – поправил я.

– Да, – кивнул он. – Слушай. Учеником Шамбалы из Шам нгри Ла был принц Те. – Тут дядя Вася прищурился, видимо, ожидая моего удивления, и я не обманул его ожиданий.

«Вот те на, – думал я. – Опять двадцать пять». А на деле сказал:

– Как Те? Ведь он был учеником великого Ку?

– Это другой Те. Именем великого Те стали называть многих детей, и не все из них стали великими, а из тех, кто стал великим, не все были добрыми и, конечно, не все стали богами.

– Сколько же тогда богов с именем Те? – спросил я.

– А что, ваша Те-ология об этом не пишет? Ну, тогда я скажу! Согласно преданию, на небе сейчас пятьдесят пять западных добрых Те и сорок четыре злых восточных.

– Пожалейте меня, дядя Вася, а то я совсем запутаюсь, – взмолился я.

– Ладно, расскажу тебе только об одном Те, ученике великого Шамбалы. Его полное имя Тенраб Тонгпа. Он получил просветление из уст Шамбалы и готовился править своим народом. Народ этот враги именовали тадзиг, что означает чужаки. А свое название этого народа я не знаю.

– Может, это таджики?

– Э-э, думаю, нет. Может, они и говорили на фарси, но жили здесь, где сейчас мы.

– Где?

– В Караганде! – дядя Вася снова закатился смехом, а потом поежился. Стало холодать, и мы разожгли костер. Я надел свитер, а дядя Вася накинул куртку прямо на свою дырявую майку. Пока мы устраивались, я терпеливо молчал, согласно заведенному у нас кодексу поведения между учителем и учеником. Но когда устроились перед костром, я не выдержал.

– Где?

– В Алма-Ате, – ответил дядя Вася.

– Вы, конечно, опять шутите?

– Теперь не шучу! Принц Тенраб Тонгпа из народа тадзиг жил в городе Олмолунгри Ла и оттуда поднимался сюда, в поселение Шам нгри Ла, чтобы брать уроки великого учителя Шамбалы.

Я потрясенно молчал. Во мне боролись противоречивые чувства – восторг и сомнение. Дядя Вася, помолчав и насладившись произведенным эффектом, продолжил:

– Однажды принц Тенраб Тонгпа потерял стадо коней. Вернее, стадо угнали. Неверный конюх позарился на чудесных коней. Кони те были странные. Сами маленькие, как ослики, и горбатые, как яки. И еще они были крылатые.

– Так это конек-горбунук, – не выдержал я и засмеялся.

– Что за конек такой? – спросил дядя Вася, хотя был недоволен тем, что я прервал его рассказ.

– Это из русской сказки, дядя Вася! Сказочный зверь.

– Ты что, думаешь, я тебе сказки рассказываю? – бесстрастно спросил он.

Я понял, что провинился.

– Нет, учитель, – поклонился я ему.

Но прочитав на моем лице признаки явного сомнения, дядя Вася замолчал с каменным лицом, сказав лишь:

– Уже поздно! Пора спать!

Это была моя последняя встреча с моим дорогим учителем. Информацию о путешествии принца Тенраб Тонгпа из города Олмолунгри Ла, которого еще именуют Шенраб Тонгпа, я потом прочитал в тибетских бонских сказаниях.

7

– Скробкин, ты дома?

Галин голос звучал серьезно, официально. Это обращение – Скробкин, Галя завела на последнем году их совместной жизни, как бы в шутку и как бы подражая Ленке и передразнивая ее, когда та называла их так. Ленка говорила: «Слушайте, Скробкины, пойдемте в парк!» Галя подхватывала: «Скробкин, пойдемте в парк!» Так постепенно, шуточно, а потом на постоянной основе, он стал именоваться в семье Скробкиным. И он бы не возражал, потому что привык, что и на работе и друзья всегда почему-то именовали его исключительно «фамильярно», так что и сам, обращаясь к себе, он иногда говорил, например: «Скробкин, пора на работу!» Но два года с Галей он был исключительно Миша, и теперь тосковал именно по такому обращению. Впрочем, первый звонок, через несколько долгих месяцев, скольких? два, три? – это уже хорошо.

– Да, дома! – Скробкин попытался, чтобы голос олицетворял вежливое равнодушие. Знаете, как это бывает? Культурные люди, даже расставаясь, остаются друзьями. Но это давалось с великим трудом. Хотелось закричать в трубку: «Галя! Боже, как я соскучился по тебе!» Но это как раз нельзя! Как говорил великий поэт: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...» Так, кажется. Надеюсь, не переврал. Впрочем, какое это имеет сейчас значение? Что это мысли вдруг вразбег? «Преодоление» – пел он внутри, но понимал, что Галя преодолеть еще не удалось. Не удалось или не хотелось?

– Пью кофе, – добавил Скробкин.

– Потом, как всегда, три сигареты подряд? – голос Гали принял менторское звучание.

Боже, как будто не было этих трех месяцев! Она говорит так, будто ничего не произошло между ними!

– Ты же знаешь, что я бросил курить папиросы. Сама меня ими попрекала!
– Конечно, – встряла Галя, – если эти беломорины, что ты смолил, курят только наркоманы.

– А сигареты, что сейчас курю, три как одна папироса по крепости!

– Но ты же твердокаменный. Можешь бросить в любой момент, что же не бросишь?

– Не хочу! Вот могу, но не хочу! – Скробкин сам размышлял над этим. Что делать, если привычка вредная, но бросать не хочется? Такая привычка, как курение, или Галя, например. В сравнении, пожалуй, Галя была самой вредной привычкой. Вернее, самой болезненной.

– Ну ладно, – сдалась Галя. – Тебя не переспоришь. Нам надо поговорить.

– О чем? – спросил равнодушно, а сам взволновался. «Нам надо поговорить!» Что это? Шаг к примирению? Боже, я ведь на всё согласен! Буду теперь молчать в тряпочку, лишь бы не это постылое одиночество! Скробкин теперь не понимал, как мог он жить столько лет сознательной жизни в гордом одиночестве? И ведь он любил одиночество? Да, пропади оно пропадом! Что это? Стареем, брат, стареем! Между тем, Галя отвечала.

– Понимаешь, звонила племянница Ленкиной близкой подруги. У них в поселке соседка повесилась. – Голос Гали понизился почти до шепота.

– Такое случается, депрессия или обстоятельства, очень жаль, конечно, но прости, какое это имеет отношение...

– Самое прямое, – перебила его Галя. – Дело в том, что это уже третье самоубийство в их поселке.

Третье самоубийство! В голове Скробкина задрезжал тревожный звоночек.

– Так-так-так. Начинаю понимать!

– Ничего ты не понял! Бедная девочка извелась от страха. Ты должен временно поселить ее к себе!

Вот это да! Этого еще не хватало!

– Почему, собственно, ко мне? – Скробкин пытался придать голосу твердости. И это он, воле которого покоряются даже самые трудные пациенты, а тут так размяк, что хоть рогульки из него лепите и в печку. – У меня ей будет неудобно! Как ты себе это представляешь? Одинокая женщина в квартире одинокого мужчины?

– Пожалуйста, не намекай! Не будем говорить о причинах нашего развода! Во-первых...

– Во-первых, – перебил ее Скробкин, – мы официально всё еще женаты, никакого развода не было!

– Скробкин, не трепите мне мозги, я не бетонная! – В голосе Гали появились мягкие южные нотки. Это означало, что она «вся на нервах». – А ты у меня как раз бетонный, – продолжала Галя. – Так что ее присутствия почти не заметишь. Она, бедняжка, чуть не тронулась умом, а ты у меня как раз по этой части. Только меня ты с ума сводишь, а остальных вылечишь, и людская молва говорит, что весьма, весьма успешно. Во-вторых, не женщина она, а почти девочка.

«У меня»... – подумал Скробкин с горечью. – Уже два раза сказала». Галя при их первой встрече тоже была почти девочка с робким голосом, и он никак не мог привыкнуть, откуда из этой девочки вдруг вынулись и заиграли эти стальные ноты в голосе. «Это всё ее редакторская должность в журнале!»

8

Света, которая «не женщина, а почти девочка», оказалась девушкой двадцати пяти лет с весьма развитыми гендерными пропорциями. Мягкий тембр ее голоса звучал певуче и очень приятно.

– Я ж с Киева уехала, когда маму похоронила, – тараторила она, – а сама тогда училась на бухгалтершу. А потом случился Майдан. Такие страхи начались, что я собралась и к Ольге в Бишкек укатила.

«Слишком быстро и нервозно говорит, – отметил Скробкин, – психика явно расшатана».

– А как ты в том поселке оказалась?

– Так родня там живет. Вернее, жили. Они тот дом теперь продают. А тут у тети Нади, ну, родственницы с поселка, зубы разболелись. Так они в город, а меня попросили недельку пожить, за домом присмотреть. А там такие ужасы! Соседка повесилась. Потом еще одна через дом. Два, получается, человека рядом на себя руки наложили. Страсть такая, не передать. Я там чуть умом не тронулась.

– Постой, постой! Галя говорила, три самоубийства!

– Так третью спасли. Она уже руки наложить на себя собиралась, как брат вошел. В дурку ее свезли.

Скробкин посмотрел на Свету. Та вся покраснелась. И пальцы. Пальцы Светы не находили покоя. Сначала теребили салфетку, четыре раза одернули кофту и всё время подрагивали, будто жили своей жизнью.

– Светочка! – сказал он осторожно и мягко. – Всё закончилось. Пора научиться оставлять позади плохую память. Можешь пожить у меня некоторое время, а потом вернешься к своей Ольге.

– Да я хоть сейчас, – встрепелась Света и покраснела. – Не пойму я, зачем они меня к вам привезли.

– Просто я врач. Я тебе пропишу таблеточки, ты отдохнешь, а потом поглядим. Пока смотри телевизор. В холодильнике еда.

– А вы куда? – Света явно боялась оставаться одна.

– Я ненадолго. Надо кое-куда зайти.

Зайти надо было к Жеке. Жека – это гений, технарь, наладчик электроники. Он арендовал небольшую мастерскую на первом этаже жилого дома во втором микрорайоне. Вывеска гласила: «Ремонт любой электроники». И это еще достаточно скромная вывеска, потому что на дверях подъездов в округе он расклеил объявление со своим телефоном и надписью: ПОЧИНИЮ ВСЁ! С Жекой познакомились случайно. Скробкин пошел вечером в магазин за хлебом, а там уже был не магазин, а Жека.

– Магазин съехал, – говорит, – теперь тут я.

– А вы кто? – уточнил Скробкин, а сам присмотрелся к человеку. Человек оказался очень молод. Просто паренек в джинсовке, пацан еще.

– Я гений электроники, – отвечает. Гордо так.

«Ну-ну, – подумал Скробкин, – поглядим, что ты за гений!»

– Есть у меня телевизор нерабочий.

– Плазма?

– Нет, ламповый.

– Ну... И что за зверь?

– Один из самых первых – КВ-1, – Скробкин вдруг увидел, как у гения блеснули глаза.

– А лампы есть к нему?

– Есть разные, но я не разбираюсь в них.

– Несите, разберемся!

Так и познакомились. Теперь Жека делал для него кое-что другое. Можно сказать, пробное оружие для борьбы с монстрами. Невидимыми монстрами. Вот что Скробкин записал в своей тетрадке:

На этом свете есть монстры. Но не такие, как в кино. Никаких волосатых рож и вампирских клыков. Они невидимы и могущественны. Потому

что влияют на нашу судьбу. Люди еще в древности заметили, что судьба – штука заразная. Заметили, что если держаться поближе к счастливчику, то и самому что-то перепадет. Дружба с неудачником приводила к тяжелым последствиям. Получалось, что и удачей, и неудачей можно заразиться. Удачливых делали возжами. Неудачников убивали или изгоняли из общества. Люди начали искать способы призвать удачу. Появились специальные жрецы – колдуны, способные призвать удачу или наслать проклятие с помощью умения сложить верный стих или нарисовать будущее. Наскальные рисунки на стенах пещер – это не искусство, а аппараты магического подключения к удачному сюжету. На Востоке это знание привело к картинкам желаний по фен-шуй. И над всеми тысячелетиями витали особые энергетические сгустки, специализирующиеся на судьбе, удаче и определенном сюжете человеческой жизни, которые эволюционировали – от имеющих характер случая, счастливого или несчастливового, до создания некоего поля неизбежности, приобретая уже характер закономерности. Это были энергетические библиотеки сюжетов, где приставкой для проигрывания комедий, трагедий, мелодрам был сам человек и его жизнь. Это в конце концов привело к появлению крупных божеств этого мира, когда энергоинформационные сюжетные сгустки стали сливаться и срачиваться, поглощая друг друга. Скорее всего, сначала стали срачиваться по принципу подобия, именно когда паства их возросла и счет пошел на миллионы. Возросшая паства требовала усиления энергетических мощностей. Эти божества со временем завели себе привычку откликаться только на самые сильные по энергетике призывы, игнорируя слабые и невыгодные. И поэтому в религиях стал доминировать принцип сильной веры, где «то вере и дано будет тебе», а также принцип коллективной веры, когда молитва наиболее осуществима, если молящихся хотя бы десять человек – миньян³.

Теперь Скробкин искал способы воздействия на эти энергоинформационные структуры. И первое, что они с Жекой решили попробовать, это простая вибрация звука – акустика. Тысячелетиями шаманы отгоняли злых духов звоном колокольчиков, пока не наступили тысячелетия церковных колоколов. А злые духи – это почти те же энергоинформационные сущности, только мелкого порядка. В ход шло любое звуковое оружие – от деревянных колотушек до выстрелов из мушкетов и пушек. Но теперь мы живем в другие времена, когда несложно собрать простую акустическую пушку с регулируемым диапазоном от слышимого звука до инфрачастот. Скажем, для воздействия на человека нужны большие и громоздкие аппараты. Но энергоинформационные структуры имели другой диапазон колебаний, раз на них действовали даже шаманские колокольчики. Задача была в том, чтобы собрать наиболее портативный опытный образец. Вот чем занимался Жека, выполняя заказ Скробкина.

9

Света, попав в квартиру Скробкина, поразила ее захламленность. В коридоре стояли старые приемники и ламповые телевизоры, дальше, по мере продвижения вглубь, завалы книг, аппаратуры и старинных приборов образовали целые баррикады, мешающие свободному перемещению по квартире. И над всем господствовала пыль. На стенах поражали иконы. У Светы в их общей с мамой квартире тоже висели иконы в углу, в божнице. Но такое количество икон, размещенных просто на стенах комнат, она видела впервые. Света считала себя трудолюбивой девушкой. Поэтому после бутерброда с докторской колбаской и чая она принялась за работу. Нашла тряпку, ведро и стала сражаться с пылью. «И куда эта Галя смотрит! – думала она с досадой. – Такого симпатичного чело-

³ Группа молящихся вместе, числом не менее десяти.

века, доктора, оставила без присмотра. И улыбка у него добрая, светлая». Страх ее вдруг отпустил, почему-то стало хорошо и покойно.

Но ни Света, ни тем более Скробкин не подозревали, до чего трудно было Гале прийти к решению, что «Скробкина надо женить»! Такое решение далось тяжело, с осознанием того факта, насколько они разные по мышлению люди и поэтому их совместная гармоничная жизнь стала невозможна. Лена, троюродная сестра Гали, тоже пережила кратковременное увлечение Скробкиным, которому в конце концов она предпочла Тимура. Тимур оказался преступником и сейчас находился в бегах неизвестно где. Само это предпочтение исключало Лену из списка кандидатур, хотя никакого списка еще не существовало. Лена принадлежала к той категории женщин, которых привлекали героические натуры. А тот факт, что героические натуры в нашем веке являлись почти всегда натурами преступными, относил Лену еще и в категорию несчастных женщин, вечно ожидающих своих мужчин от срока до срока. Поэтому даже теперь, будучи свободной женщиной, Лена не чувствовала ничего к Скробкину, кроме жалости, что мол «пропадает мужик без женского руководства». И обе сестры вдруг сошлись на такой простой мысли, что Скробкина надо спасти посредством женитьбы, и случайная кандидатура Светы оказалась очень кстати.

В то время, как Света, распевая обрывки различных популярных песенок, боролась с пылью, Скробкин лицезрел аппарат. Аппарат, ошестинившись трубками и сверкая тарелками, стоял на столе.

– Готов? – спросил Скробкин.

– Вроде того, – кивнул Жека. – Пора испытания проводить!

– Надо переделать. Все эти разнонаправленные выходы, – Скробкин ткнул в конструкцию, – исключают высокоточное воздействие. Будет слишком большой разброс.

– Я думал, мы будем включать в аномальной зоне, а сами держаться подальше.

– Да, такое возможно, но сейчас нам необходимо прицельное воздействие. За сколько переделаешь?

– Так я два сделал. Одна работает как акустическая бомба, другая – как пушка. – С этими словами Жека сдернул тряпку, прикрывающую объект на втором столе. Пушка с одной большой тарелкой, наподобие старых телевизионных, но поменьше, и излучателем, агрессивно торчащим из нее, выглядела как фантастический объект. Жека довольно и горделиво подбоченился.

– Супер! Сам разработал?

– Нет, содрал схему из бельгийских источников, – Жека досадливо поморщился. – Было бы больше времени, может, и сам бы не хуже придумал. Но переключатель диапазонов мой. Бельгийский тупо под один диапазон предназначен в инфразвуке. Излучатель страха. А через мой даже дискотеки можно устраивать улетные.

– Дискотеки это хорошо! Хотя нам, наверное, больше колокольный звон понадобится. Есть запись?

– Сделал! С одним пономарем познакомился в Никольском соборе.

– Отлично!

– Скоро испытание? Есть что на примете?

– Думаю, скоро... – пробормотал Скробкин, прислушиваясь к разным обрывкам мыслей в голове. «Гая... Света – еще совсем девочка... Киев... поселок... что за поселок? Три самоубийства, вернее два и одно неосуществленное! И все в одном радиусе!» – Кажется, есть! В поселке одном – три самоубийства подряд. В одном квадрате!

– Ого! – присвистнул Жека. – Когда едем?

– А кто это ехать собрался? Почему думаешь, что я тебя возьму?

– А кто аппарат наладит, если что? – вопросом на вопрос ответил Жека.

Скробкин посмотрел на своего потенциального напарника: «Худой. По виду пацан. Свежие прыщи на лице и рытвины от старых, сведенных. Но наглый, глаза злые. Уже собрался обижаться».

– Это может быть опасно, – примирительно сказал он.

– А я не боюсь, – запальчиво ответил Жека.

В общем, Жека был прав. Наладить он может любую аппаратуру. И не только наладить, а сходу собрать на коленке, просто зайдя прикупить запчасти на воскресной барахолке.

– Ладно, – согласился Скробкин, – ты в деле! – Жека сразу повеселел. – Тут надо одну проблему решить, и на недельке двинем.

Проблемой была Света. Как объяснить Гале свой отъезд? Скажет, просили присмотреть за человеком, успокоить, подлечить душевно, а он сбежал. Открыв дверь, Скробкин принялся – веяло химической свежестью моющих средств. Это Скробкину не понравилось. Света с тряпкой в руках радостно выбежала в коридор.

– Ой, вы пришли! – она заглянула ему в глаза, и на душе стало вдруг тревожно. – А я тут прибралась чуточку...

«Хорошо, если только пыль вытирала и полы мыла! А если рукописи перебрала? Если книги расставила по полкам?» Налаженный быт летел к чертям! Такое он уже переживал, когда у них с Галей началась совместная жизнь. Но с Галей он осознанно шел на уступки, понимая их неизбежность, когда делишь жилище с кем-то надолго, на всю жизнь! Он приготовился жить с Галей всю свою оставшуюся жизнь! А эта девчонка поселилась тут на недельку и уже хозяйничала, как своя!

– Рукописи, бумаги не трогала? – бросился он в свою комнату, которая служила для него и спальней и кабинетом.

– Да что вы! Разве я не понимаю? – обиженно откликнулась Света. – Вы же потом ничего не найдете!

– Умница! – облегченно выдохнул Скробкин.

Света рассмеялась.

– В холодильнике курочка была, так я вам бульончику сготовила, – затарила она на радостях. – Поешьте горяченького! А то, наверное, всё в сухоматку да в сухоматку...

10

Горы смотрели на заброшенный домик лесника у речки Чолпон-Килим. Теперь там бурлила интересная жизнь. Обгорелый дервиш, которого отселили от себя чабан Акимбек и жена его Кулпынай, танцевал. Танцевал он неумоимо, будто исполнял служение неведомому богу, и прерывался только когда утолял голод или спал. Затанцевал он именно этой весной. Вдруг стал кружиться в правую сторону волчком и кружился так, пока не упал, потеряв равновесие. Полежал на траве, рассмеялся своим диким пугающим смехом, похожим на крик молодого осла, и вновь стал кружиться. Так кружился он каждый день с утра, ловкость его увеличивалась, и падал он всё меньше и меньше. Чабан Акимбек пытался его остановить, но тот вырывался и начинал снова. Слушался он только Кулпынай, покорно садился на скамеечку и на некоторое время затихал. «Мама», – говорил он Кулпынай, и она кивала ему в ответ.

Всё переменялось в один день. Кулпынай тогда испугалась всерьез. В то утро, съев свою порцию супа с лепешкой, Темир эке, так теперь все звали дервиша, стал опять крутиться волчком вправо. Кулпынай пыталась его утихомирить, и он послушно сел на свое излюбленное место перед юртой, но Кулпынай почувствовала какое-то сопротивление в воздухе, какое-то устрашившее ее не-

видимое присутствие. И вдруг среди ясного неба громыхнул гром. Вспомнила тогда Кулпынай тот случай в горах, когда молния убила трех туристов. Не хотела она верить в то, что к этому причастен ее Темир эке, которого она исцелила и выходила, когда его с огнестрельными ранениями и ожогами привез в их кочевье муж Акимбек. Говорили, что те туристы надсмехались над убогим и потерявшим разум человеком, и тогда воздух с громом разодрала молния и, разделившись натрое, поразила несчастных глупцов. Жанболот, мальчик с соседнего кочевья, был свидетелем этого чуда и рассказал об этом всем. Кулпынай же не верила до последнего. Мало ли загадочных событий происходит в природе. Включи телевизор, и о подобных чудесах говорят там с утра до вечера, и так правдоподобно, что хочется верить. На то и телевизор, чтобы рассказывать подобный сумдык. Но, когда гром прогремел и в другой раз, когда она пыталась остановить кружившегося бедняжку и притом совсем близко над ее головой, то ей стало по-настоящему страшно, и вечером, всхлипывая и утирая слёзы, она рассказала Акимбеку о своих страхах. Было принято решение отселить Темир эке в избушку лесника и туда приносить ему всё необходимое. Хотя потребности бедолаги были совсем скромные. Самостоятельно ел он мало, клевал как птичка. Одежду ему меняли раз в неделю. Купали тоже раз в неделю. Кулпынай в течение дня подкармливала его как можно чаще, и тогда он охотно съедал всё, чем его угощали. Но теперь, с каким-то новым блеском в глазах, он кружился и кружился на месте против часовой стрелки. Над домом лесника начал постоянно спускаться какой-то сизый туман, и не только утром, но и в течение дня, даже очень солнечного. И иногда люди слышали громыхание грома.

Вскоре к домику потянулись люди с подношениями. Шли не только с ближнего поселка, но даже с райцентра, а потом и вовсе стали приезжать на машинах дальние гости. Приезжали, глядели на кружащегося аулие⁴, резали скот, варили мясо и в тарелках ставили еду вокруг дома. По ночам стали наведываться волки и лисы, жадно пожирая всю оставленную еду. Но мухи почему-то облетали домик стороной. При таком обилии портящейся на солнце еды мухи боялись ее трогать, хотя осы спокойно роились на оставленном мясе.

В конце концов появилась, приехав из какого-то большого города, бабушка Бобайша. Была она вроде народной целительницей и, заслышав про нового аулие из Чолпон-Килим, приехала на поклон, да так и осталась. За свои деньги наняла строителей из поселка и отстроила небольшое жилище в двадцати шагах от домика лесника, стала там жить, питаясь подношениями для аулие и наводя порядок в округе.

Однажды вечером волки окружили ее, рыча и скаля зубы, и стали подступать со всех сторон. Поняла она, что пришел ее конец, села на землю и вскричала с плачем: «Темир эке!» И вдруг раздался небесный грохот, и волчий вожак упал, пронзенный шипящей, как змея, молнией. Стало ясно, что аулие принял ее под свое покровительство.

Горы видели всё. Горы помнили всё. Но память гор очень медленная. Поэтому очень медленно, из хранилищ, находящихся глубоко в земной коре, из той среды, где кипят, как суп, жидкие скалы, начала подниматься к вершинам память об этом странном и грозном существе, которого все теперь звали Темир эке. О том, кто всегда танцует!

Продолжение в № 10, 2026.

⁴ В исламе, люди, которые проводят все свои дни в постоянных молитвах. Аулие в переводе с арабского – святой.